

ПРАВА

LAW

УДК 347.19

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-53-60>

Поступила в редакцию 16.06.2022

Received 16.06.2022

М. А. Семенихин

Генеральная прокуратура Республики Беларусь, Минск, Беларусь

К ВОПРОСУ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ЛИЦ

Аннотация. Рассматриваются подходы к определению правового положения, возможной правоспособности электронных лиц (роботов) в гражданском праве. Анализируются подходы, касающиеся возможности распространения на них норм о животных либо правового статуса юридического лица. Обосновывается, что материальная природа и отражающий ее юридический статус компьютерной программы несовместимы с признанием у нее автономии воли и имущественной самостоятельности. Делается вывод о невозможности в настоящее время признать правосубъектность роботов или электронных лиц.

Ключевые слова: правосубъектность, воля, имущественный интерес, юридическое лицо, электронное лицо, робот, компьютерная программа

Для цитирования: Семенихин, М. А. К вопросу гражданской правосубъектности электронных лиц / М. А. Семенихин // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 1. – С. 53–60. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-53-60>

Mikhail A. Semenikhin

Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

TO THE QUESTION OF CIVIL LEGAL PERSONNESS OF ELECTRONIC PERSONS

Abstract. The article discusses approaches to determining the legal status, the possible legal capacity of electronic persons (robots) in civil law. Approaches on the possibility of applying the rules on animals or the legal status of a legal entity are analyzed. The author grounds that the material nature and the legal status of a computer program reflecting it are incompatible with the recognition of its autonomy of will and property independence. It is concluded that it is currently impossible to admit the legal personality of robots or electronic persons.

Keywords: legal personality, will, property interest, legal entity, electronic person, robot, computer program

For citation: Semenikhin M. A. To the question of civil legal personness of electronic persons. *Vesti Natsyynal'noi akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2023, vol. 68, no. 1, pp. 53–60 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-53-60>

Введение. Стремительная цифровизация экономики, развитие Интернета, телекоммуникаций и электронной торговли, их роль в экономической жизни стали определяющими чертами общественного развития последних лет. По мнению Конференции ООН по торговле и развитию, цифровая революция трансформирует наши жизни и общественный уклад с беспрецедентной скоростью и огромными масштабами, предоставляя большие возможности наряду с устрашающими вызовами. Отмечается, что драйверами роста цифровой экономики являются цифровые данные и цифровые платформы, предоставляющие техническую возможность сторонам взаимодействовать онлайн. Подчеркивается, что правительствам предстоит обратить вспять определенные тенденции, в частности, расширение неравенства посредством адаптации существующих или принятия новых нормативных актов [1].

В Республике Беларусь развитию цифровой экономики также уделяется значительное внимание. Так, Президентом нашей страны отмечалось, что указанная сфера является одним из наиболее

перспективных секторов белорусской экономики [2]. Экспорт резидентов Парка высоких технологий в 2021 г. составил 3,2 млрд долларов США, что соответствует около 30 % всего экспорта услуг Беларуси [3]. Перед Правительством и государственными органами стоит амбициозная задача построения IT-страны, включая создание инфраструктуры для электронных услуг, электронного правительства, на основе которой будет происходить цифровая трансформация экономики [4].

В этом контексте необходимо отметить Декрет Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8), который одним из первых в мировой практике определил ключевые термины цифровой экономики: владелец цифрового знака (токена), криптовалюта, майнинг, реестр блоков транзакций (блокчейн), смарт-контракт, цифровой знак (токен) и т. д.¹

Ученые-экономисты указывают, что «в мире пока нет целостного понимания, что такое «цифровая экономика и к каким последствиям она приведет. Многие зачастую понимают это как новые формы платежей и коммуникации с потребителем» [5]. Отмечается, что «максимальный уровень эффективности достигается в том случае, когда транзакции проводятся без участия человека и транзакционные издержки снижаются практически до нуля» [6, с. 55].

Правовое регулирование цифровой экономики происходит и в государствах – участниках ЕАЭС. Например, с 01.10.2019 г. вступили в силу изменения в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепившие законодательное определение цифровых прав².

В связи с этим отмечается, что «формирующееся информационно-цифровое пространство объективно становится качественно новой сферой правового ... влияния». При этом «очевидно, что решение вопроса о том, какое место должны занимать новые технологии в современном обществе, не может отдаваться на откуп даже самым выдающимся творцам-технократам, авторам этих технологий. Роль права – быть не просто «распределителем» технологических достижений между их потребителями, но в какой-то мере выступать регулятором технологических процессов, определять социально оправданный коридор вторжения человека в искусственный мир новых технологий» [7, с. 25–26].

Авторитетные ученые всерьез обсуждают возможность признания компьютерных программ стороной или участником сделки. Определенный резонанс вызвало заключение мировым звукозаписывающим гигантом «Warner Music» контракта на создание музыки алгоритмом «Endel». СМИ сообщали об этой сделке так: «Компания заключила контракт с алгоритмом» [8].

Изложенное позволяет сформулировать научную задачу по исследованию гражданской правосубъектности электронных лиц.

Основная часть. Вопрос о правоспособности роботов является предметом обсуждения в странах Европейского союза. Так, в резолюции Европарламента от 16.02.2007 г. с рекомендациями Комиссии о нормах гражданского права о робототехнике (2015/2103(INL)) отмечено, что в контексте автономности роботов возникает вопрос об их правовой природе: может ли она находиться в рамках существующих правовых категорий или же нужно создать новую категорию, которая будет иметь свой собственный ряд характеристик и положений. При этом подчеркивается, что чем выше степень автономности робота, тем меньше робот может расцениваться как простой инструмент в руках третьих лиц (производителя, оператора, владельца, пользователя и т. д.). Это положение, в свою очередь, поднимает вопрос о том, являются ли достаточными обычные правила правовой ответственности.

Автономность робота определяется в указанной резолюции как его способность принимать решения и реализовывать их самостоятельно, без внешнего контроля или воздействия. Одновременно отмечается, что автономность робота носит чисто технический характер и ее степень зависит от того, насколько хорошо робот запрограммирован своим разработчиком на взаимодействие с окружающей средой.

Кроме того, обращается внимание на то, что недостатки существующего правового регулирования также отчетливо проявляются в сфере договорной ответственности. Если машины будут разработаны так, что они сами могут выбирать своих контрагентов, обсуждать условия договоров, заключать договоры и решать, как их исполнять, то обычные правила не будут к ним применимы. Это вызывает

¹ О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс]: Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.: в ред. Федер. закона от 08.03.2015 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

необходимость создания новых, эффективных и современных правил, которые будут учитывать технологическое развитие и инновации, внедрение и использование которых произошло недавно [9].

В Российской Федерации тема цифровизации права также получила активное развитие. В частности, некоторыми авторами предлагается пересмотреть существующую концепцию правоотношений. Подчеркивается, что человеко-центризм права эволюционирует в сторону техноцентризма, не утрачивая человеческого приоритета по отношению к технико-материальным объектам.

Принимая во внимание закономерности цифровой организации социальных связей, некоторые авторы предсказывают иную систему институционализации акторных взаимодействий, учитывающую такую особенность цифровой системы, как «непрерывное сопровождение бесчисленных правовых фактов, которые все более будут способны осуществляться в безбумажной форме» [10, с. 9–10].

Объективное развитие технологий и алгоритмов машинного обучения и самообучения делает более отчетливой «тенденцию все большего переложения на искусственный интеллект ряда функций и обязанностей, которые сегодня выполняет человек. При этом вполне можно прогнозировать ситуацию, при которой действия робота будут влечь за собой возникновение прав и обязанностей для других людей» [11].

В качестве примеров таких «роботизированных» действий, влекущих правовые последствия, приводятся:

- а) применение роботов в банковской системе таким образом, что это повлечет определенные обязанности для пользователей банковских услуг;
- б) списание задолженности со счетов граждан в автоматическом порядке при помощи действий роботов;
- в) смарт-контракты, которые, по мнению А. И. Савельева, могут заключаться и исполняться без участия человека [11–12].

Например, в 2014 г. искусственный интеллект был впервые введен в состав совета директоров венчурной компании за свое умение «просчитывать тенденции рынка, неочевидные для людей», что позволяет говорить об использовании роботов и в корпоративных отношениях, в частности, в процессе принятия стратегических и тактических бизнес-решений [13].

В связи с описанным развитием технологий и использованием в них роботов и искусственного интеллекта некоторыми авторами констатируется специфический субъектный состав применительно к цифровым отношениям. Он обусловлен специфическим характером используемых цифровых технологий (роботы как субъекты права, цифровые личности, операторы больших данных, операторы автоматизированных и полуавтоматизированных систем искусственного интеллекта и др.), а также использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (операторы связи, провайдеры, пользователи и др.). В рамках цифровых правоотношений предлагается выделять как традиционные субъекты права – физические лица, юридические лица, публичные образования, так и специальные (роботизированные агенты, электронные лица, цифровые сотрудники, операторы больших данных и др.) [10, с. 57].

Так, О. А. Серова высказывает мнение о том, что «понятия «робот», «робототехника» требуют четкой систематизации, так как часть подобных автоматизированных систем будет относиться к традиционным объектам прав, например, промышленные роботы-манипуляторы являются имуществом. Однако в отношении иных видов роботов, чье функционирование сопряжено с искусственным интеллектом и взаимодействием нейронных сетей, встает вопрос о возможности их включения в оборот как субъектов права» [14], тем самым допускается возможность наделения роботов правосубъектностью, с вытекающими из этого правовыми последствиями, в частности, наделения их дееспособностью.

Мнение указанного автора разделяют и другие ученые. Например, в учебнике «Цифровое право» отмечается, что в сфере правового регулирования появляются отношения, в которых если не субъектом, то как минимум участником становится новая цифровая личность – робот, на основании чего предлагается рассматривать появление и такого субъекта, как электронное лицо. Последнее рассматривается в качестве носителя искусственного интеллекта (машина, робот, программа), обладающего разумом, аналогичным человеческому, способностью принимать осознанные и не основанные на заложенном создателем такой машины, робота, программы алгоритме решения, и в силу этого наделенного определенными правами и обязанностями [10, с. 72–73].

П. М. Морхат, исследуя правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности, предлагает понимать под электронным лицом «обладающий некоторыми признаками юридической фикции (по аналогии с юридическим лицом) формализованный технико-юридический образ (в значении воспринимаемой и создаваемой третьими лицами целостной информационной проекции), отражающий, воплощающий модальную фреймизацию и детерминирующий в юридическом пространстве конвенциально (условно) специфическую правосубъектность персонифицированного юнита искусственного интеллекта, обособленную от человеческого субстрата и гетерогенную (в части комплексов «прав» и обязанностей юнита) в зависимости от функционально-целевого назначения и возможностей такого юнита, и в силу этого аппроксимированный к конкретному целеполаганию производства и задействования такого юнита, то есть его функционально-целевому назначению» [15, с. 20].

Указанный автор выделяет следующие ключевые характеристики юнитов искусственного интеллекта, которые актуализируют проблему определения их правосубъектности и способности нести юридическую ответственность за свои действия:

- автономность и самоорганизацию;
- способность к обучению и самообучению;
- способность к разумному мышлению и поведению.

Делается оговорка, что на данном этапе их придется рассматривать как *определенную* фикцию, наделяемую *определенными* свойствами правосубъектности, но имеющую *определенные* ограничительные пределы. В то же время их нельзя будет рассматривать как идентичных физическим лицам и организациям – участникам правоотношений, поскольку свойственные им элементы правосубъектности не могут быть полностью распространены на электронных лиц. Но при этом, рассматривая их как определенную фикцию, формируемую для определенных целей, такие феномены имеют полноценную перспективу нормативного закрепления в качестве определенных участников правоотношений в сферах, связанных с применением цифровых технологий [10, с. 74].

Необходимо отметить, что все указанные П. М. Морхатом «ключевые характеристики» можно найти не только у человека как субъекта права, в том числе гражданского, но и у некоторых животных, которые однозначно рассматриваются в качестве объекта права со специфическим правовым режимом. Таким образом, для признания роботов в качестве субъекта права необходимы иные сущностные характеристики.

В. В. Архипов и В. Б. Наумов, исследуя теоретические основания развития законодательства о робототехнике в контексте проблем воли и правосубъектности, считают наиболее перспективными направлениями для предварительного научного анализа проблематики следующие: концепцию робота как животного (предмет), концепцию робота как юридического лица (субъект) и аспект юридической ответственности (содержание) [16].

Проведя последовательный анализ гражданско-правовых норм, определяющих правовой режим животных в сравнении с имеющимся правовым регулированием роботов, указанные авторы констатируют, что по аналогии к последним могут избирательно применяться отдельные нормы о животных либо по такому принципу может развиваться правотворчество. По мнению названных ученых, аналогия «робот – животное» высвечивает физический аспект робота как автономного материального объекта.

На основе проведенного исследования делается вывод о преждевременности постулирования правосубъектности роботов, поскольку роботы не испытывают эмоций.

Применительно к указанному выводу следует отметить следующее. В. В. Архипов и В. Б. Наумов анализируют возможность распространения на роботов правового режима, применяемого в настоящее время к животным. При этом не вызывает сомнений, в том числе и у названных авторов, отнесение животных к объектам гражданских прав. Следовательно, такой признак, как наличие/отсутствие эмоций может быть релевантен применительно к исследованию правосубъектности роботов по сравнению с физическим лицом. Впрочем, подобный анализ не проводился.

Еще одним правовым режимом, который может быть распространен на отношения с использованием¹ роботов, является режим юридического лица. Так, В. В. Архипов и В. Б. Наумов делают

¹ Мы считаем обоснованным употребление термина использование, а не участие, поскольку последний указывает на субъектность робота, а первый – на его объектность.

вывод об отсутствии принципиальных препятствий к тому, чтобы наделять роботов статусом, аналогичным юридическим лицам: в обоих случаях речь идет о создании искусственной конструкции. Тем самым юридическая личность роботов может быть сведена к фикции, а поскольку речь идет о фикции, проблема объективной правосубъектности роботов не возникает в принципе (никто не говорит, что юридические лица живые) [16].

Одновременно перед учеными возникают новые правовые проблемы: если юридические лица – интеллектуальная конструкция, то робот – это программа, интегрированная в вещь (имущество). На основании проведенного исследования делается вывод, что аналогия «робот – юридическое лицо» высвечивает юридический аспект робота как «персоны» или как особой юридической конструкции [16].

Г. А. Гаджиев и Е. А. Войниканис считают, что «в будущем, когда по мере совершенствования искусственного интеллекта может возникнуть потребность в признании юридической личности роботов, можно будет подумать: а не признать ли их особой разновидностью юридических лиц? Может быть применен и альтернативный вариант, основанный на использовании уже имеющейся юридической техники уподобления. Роботов в этом случае можно будет признать «как бы субъектами права» (квазисубъектами)» [17, с. 45].

Представляется, что исследование вопросов возможной правосубъектности роботов может производиться лишь по аналогии с юридическими лицами, поскольку электронные лица (роботы), как и лица юридические, с точки зрения права могут являться лишь искусственными образованиями, вторичными по отношению к физическим лицам.

Цивилистической наукой и гражданским законодательством выделяются признаки юридических лиц как субъектов гражданского права, некоторые из которых присущи только им:

организационное единство;

имущественная обособленность;

наличие гражданской правоспособности, означающей возможность от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести обязанности. При этом объем правоспособности различается в зависимости от вида юридического лица (коммерческое – некоммерческое);

государственная регистрация, с которой связывается возникновение гражданской правоспособности [18].

Выделенные признаки являются общепризнанными, закреплены в гражданском законодательстве стран – участниц ЕАЭС и, по нашему мнению, не могут быть распространены на электронные лица, представляющие собой алгоритмы (программы или программно-аппаратные комплексы), ввиду их материальной природы.

Так, российский ученый Н. В. Козлова справедливо определяет юридическое лицо как искусственный субъект права, который в соответствии с законом создается другими субъектами (учредителями) для определенных целей, в основном ради людей, и может иметь права и обязанности, применимые к его природе: «Основной задачей института юридического лица является создание субъекта прав и обязанностей, существующего и действующего независимо от смены его людского субстрата. В этом смысле юридическое лицо есть реальный субъект гражданского права, самостоятельный носитель прав и обязанностей. С позиций цивилистической теории здесь имеет место аналогия, т. е. использование сходных норм и правил для определения правового статуса разных субъектов – физических и юридических лиц» [19, с. 3].

Являясь самостоятельным субъектом гражданских прав, юридическое лицо реализует свою правосубъектность, выражает собственную волю, приобретает и осуществляет вещные, корпоративные и другие права и обязанности, несет самостоятельную имущественную ответственность за собственные действия. Вместе с тем в силу его искусственной природы юридическое лицо может участвовать в правоотношениях только посредством физических лиц, которые рассматриваются объективным правом либо как органы юридического лица, действующие от его имени в пределах установленной компетенции, либо как его законные или добровольные представители [19, с. 3].

Указанные признаки юридического лица как субъекта гражданского права являются отражением таких черт правосубъектности физического лица, как индивидуализация, имущественная самостоятельность и автономия воли.

Признак индивидуализации может быть нормативно распространен на электронных лиц и без особых затруднений внедрен на практике. Так, в Национальном центре интеллектуальной

собственности Республики Беларусь с 2007 г. существует практика «регистрации» компьютерных программ [20]¹. Согласно ст. 1262 Гражданского кодекса Российской Федерации, правообладатель в течение срока действия исключительного права на программу для ЭВМ или на базу данных может по своему желанию зарегистрировать такую программу или такую базу данных в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности².

Следующий признак – имущественная самостоятельность для физических лиц или имущественная обособленность для лиц юридических – трудно вообразим на практике применительно к лицам электронным, что вытекает из анализа третьего и главного признака правосубъектности лица – автономии воли – во взаимосвязи с материальной и правовой (идеальной) природой компьютерных программ.

Так, именно автономия воли, реализуемая для юридических лиц посредством конструкции органа юридического лица, является главным признаком и атрибутом правосубъектности. В гражданских кодексах стран ЕАЭС содержится общее правило о том, что субъекты гражданского права (физические и юридические лица) приобретают и осуществляют гражданские права своей волей и в своих интересах. Указанное означает неразрывную связь автономии воли и имущественной самостоятельности.

Юридические лица приобретают гражданские права и принимают на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законодательством и учредительными документами. Таким образом, орган юридического лица формирует его волю в гражданском обороте в интересах юридического лица, что позволяет признавать наличие автономии воли.

В то же время «компьютерная программа в техническом аспекте представляет собой основанную на алгоритме последовательность математических (логических) операций, отображенную на языке программирования, которая приводит к решению поставленной задачи за определенное количество шагов» [20].

С учетом указанных свойств компьютерных программ последние охраняются Договором ВОИС по авторскому праву как литературные произведения в соответствии со ст. 2 Бернской конвенции. Такая охрана распространяется на компьютерные программы независимо от способа или формы их выражения³. Подобный подход закреплен также в Протоколе об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности, являющимся приложением № 26 к Договору о ЕАЭС⁴.

Статья 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации помимо предоставления указанной правовой охраны дает определение программы для ЭВМ, под которой понимается представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

Гражданские кодексы Армении и Казахстана также рассматривают программы для ЭВМ в качестве объектов авторского права. Законодательство Республики Беларусь придерживается аналогичного подхода⁵.

Следовательно, материальная природа и отражающий ее юридический статус компьютерной программы несовместимы с признанием у нее автономии воли и, соответственно, имущественной самостоятельности, поскольку программа отражает лишь волю создавшего ее лица и служит для удовлетворения его имущественных интересов.

Таким образом, несмотря на возможное внешнее сходство гражданско-правовой воли и алгоритмов, из представленного простого наблюдения очевидно, что *преждевременно*: а) говорить о пра-

¹ Не исключена возможность регистрации товарного знака на компьютерную программу, что, впрочем, относится к ее свойствам как товара, т. е. объекта гражданских прав.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [Электронный ресурс]: 18 декабря 2006 г., № 230-ФЗ: принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

³ Договор ВОИС по авторскому праву [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Международные договоры / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: Договор, 29 мая 2014 г. // ЭТАЛОН. Международные договоры / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

⁵ Гражданский кодекс Армении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://parliament.am/law_docs/050598HO239rus.html?lang=rus. – Дата доступа: 30.05.2022.

восубъектности роботов в целом; б) проводить какие-либо юридически значимые концептуальные параллели между процессами формирования и реализации гражданско-правовой воли и динамикой алгоритмов роботов [16].

С вопросом субъектности робота связана и проблема юридической, в том числе гражданской правовой ответственности, исследование которой может являться темой самостоятельного научного исследования. Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время вопрос определения виновного лица в случае причинения вреда автомобилем, оборудованным автопилотом, вызывает большие затруднения. С учетом динамичного развития технологий и активного внедрения систем автономного управления автомобилем уже сейчас необходимо разрабатывать вопросы распределения ответственности, причем не только гражданско-правовой, но административной и уголовной.

Цивилистике предстоит определить границы ответственности: будет ли она лежать на владельце источника повышенной опасности, производителе транспортного средства или производителе программного обеспечения автопилота, как поступать в случае хакерской атаки (злонамеренного внешнего воздействия), повлекшей причинение вреда. В последнем случае наверняка потребуются адаптация правил о страховании.

Заключение. Современный уровень развития технологий делает актуальным исследование вопросов заключения, исполнения и условий действительности сделок в цифровой среде. Успехи в создании и обучении искусственных нейронных сетей ставят перед цивилистической наукой проблему определения правового положения роботов или электронных лиц.

В настоящее время существуют два основных подхода к решению указанного вопроса: распространить на электронных лиц правовой режим животных с определенными ограничениями; признать роботов особой разновидностью юридических лиц или квазисубъектом права.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что материальная природа и отражающий ее юридический статус компьютерной программы несовместимы с признанием у нее автономии воли и, соответственно, имущественной самостоятельности, поскольку программа отражает лишь волю создавшего ее лица и служит для удовлетворения его имущественных интересов. Следовательно, в настоящее время нет оснований для признания правосубъектности роботов или электронных лиц.

Список использованных источников

1. Digital economy report 2019: value creation and capture: implications for developing countries / UN Conf. on Trade and Development. – Geneva: UN, 2019. – 194 p. <https://doi.org/10.18356/c7dc937a-en>
2. Сопоставление о некоторых вопросах развития рынка телекоммуникаций [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/soveschanie-o-nekotorykh-voprosakh-razvitiya-rynka-telekommunikatsij-20717/. – Дата доступа: 30.05.2022.
3. Цифры и факты [Электронный ресурс] // NI Tech Park Belarus. – Режим доступа: <https://park.by/http/facts/>. – Дата доступа: 30.05.2022.
4. Турчин: цифровая экономика – это приоритет номер один [Электронный ресурс] // Sputnik. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.sputnik.by/economy/20180220/1037199160/turchin-cifrovaya-ehkonomika-eh-to-prioritet-nomer-odin.html>. – Дата доступа: 30.05.2022.
5. Бельский, В. «Цифровая экономика»: успеть за будущим / В. Бельский // Наука. – 2018. – № 14. – С. 1, 3.
6. Ачаповская, М. Цифровизация экономики как драйвер инновационного развития / М. Ачаповская // Банк. весн. – 2019. – № 3. – С. 52–58.
7. Бондарь, Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н. С. Бондарь // Журн. рос. права. – 2019. – № 11. – С. 25–42. <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.2>
8. Барабанов, Б. Душа алгоритма [Электронный ресурс] / Б. Барабанов // Коммерсантъ. – 2020. – № 56. – Режим доступа: [http://www.kommersant.ru/doc/4307162?query=Душа алгоритма](http://www.kommersant.ru/doc/4307162?query=Душа%20алгоритма). – Дата доступа: 30.05.2022.
9. Civil law rules on robotics [Electronic resource]: European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // Offic. J. of the Europ. Union. – 2018. – Vol. 63. – С. 252. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52017IP0051>. – Date of access: 30.05.2022.
10. Цифровое право: учебник / Л. В. Андреева [и др.]; под ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой – М.: Проспект, 2020. – 640 с.
11. Юридическая концепция роботизации / [А. А. Головина и др.]; отв. ред.: Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. – М.: Проспект, 2019. – 240 с. <https://doi.org/10.31085/9785392305650-2019-240>
12. Савельев, А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права / А. И. Савельев // Вестн. гражд. права. – 2016. – Т. 16, № 3. – С. 32–60.
13. Никифорова, Т. С. Оставят ли роботы юристов без работы? [Электронный ресурс] / Т. С. Никифорова, К. М. Савельева // КонсультантПлюс. Россия. Комментарии законодательства / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

14. Серова, О. А. Роботы как участники цифровой экономики: проблемы определения правовой природы / О. А. Серова // Гражд. право. – 2018. – № 3. – С. 22–24. <https://doi.org/10.18572/2070-2140-2018-3-22-24>
15. Морхат, П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / П. М. Морхат; Рос. гос. акад. интеллект. собственности. – М., 2018. – 45 с.
16. Архипов, В. В. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности / В. В. Архипов, В. Б. Наумов // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157–170.
17. Гаджиев, Г. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) / Г. А. Гаджиев, Е. А. Войниканис // Право. Журн. Высш. шк. экономики. – 2018. – № 4. – С. 24–48. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.4.24.48>
18. Корпоративное право: учеб. курс: в 2 т. / [Е. Г. Афанасьева и др.]; отв. ред. И. С. Шиткина. – М.: Статут, 2017. – 2 т.
19. Козлова, Н. В. Правосубъектность юридического лица / Н. В. Козлова. – М.: Статут, 2005. – 476 с.
20. Лосев, С. С. К вопросу о регистрации компьютерных программ / С. С. Лосев // КонсультантПлюс. Комментарии Законодательства. Белорусский выпуск. – Минск, 2020.

References

1. United Nations Conference on Trade and Development. *Digital economy report 2019: value creation and capture: implications for developing countries*. Geneva, United Nations, 2019. 194 p. <https://doi.org/10.18356/c7dc937a-en>
2. Meeting on some issues of development of the telecommunications market. *President of the Republic of Belarus*. Available at: http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/soveschanie-o-nekotoryx-voprosax-razvitiya-rynka-telekommunikatsij-20717/ (accessed 30.05.2022) (in Russian).
3. Facts and Figures. *HI Tech Park Belarus*. Available at: <https://park.by/en/htp/facts/?fromlang=Y> (accessed 30.05.2022).
4. Turchin: the digital economy is the number one priority. *Sputnik. Belarus*. Available at: <http://www.sputnik.by/economy/20180220/1037199160/turchin-cifrovaya-ehkonomika-eh-to-prioritet-nomer-odin.html> (accessed 30.05.2022) (in Russian).
5. Bel'skii V. Digital economy: keeping up with the future. *Navuka* [Science], 2018, no. 14, p. 1, 3 (in Russian).
6. Achapovskaya M. Digitization of the economy as a driver of innovative development. *Bankauski vesnik* [Bank Gazette], 2019, no. 3, pp. 52–58 (in Russian).
7. Bondar N. S. Information and digital space in the constitutional dimension: from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 11, pp. 25–42 (in Russian). <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.2>
8. Barabanov V. Soul of the algorithm. *Kommersant*, 2020, no. 56. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/4307162?query=Душа алгоритма> (accessed 30.05.2022) (in Russian).
9. Civil law rules on robotics: European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). *Official Journal of the European Union*, 2018, vol. 63, no. C 252. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52017IP0051> (accessed 30.05.2022).
10. Andreeva L. V., Blazheeva V. V., Egorova M. A. *Digital law*. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 640 p. (in Russian).
11. Tikhomirov Yu. A., Nanba S. B. (eds.). *Legal concept of robotization*. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 240 p. (in Russian). <https://doi.org/10.31085/9785392305650-2019-240>
12. Savelyev A. I. Contract law 2.0: “smart contracts” and the beginning of the end of the classic contract law. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Review*, 2016, vol. 16, no. 3, pp. 32–60 (in Russian).
13. Nikiforova T. S., Smirnova K. M. Will robots put lawyers out of work? *ConsultantPlus. Russia. Legislative comments*. Moscow, 2022. (in Russian).
14. Serova O. A. Robots as digital economy participants: issues of legal nature determination. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law], 2018, no. 3, pp. 22–24 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/2070-2140-2018-3-22>
15. Morkhat P. M. *Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems*. Abstract of Ph.D. diss. Moscow, 2018. 45 p. (in Russian).
16. Arkhipov V. V., Naumov V. B. On certain issues of theoretic grounds for development of robotics legislation: the aspects of will and legal personality. *Zakon = Statute*, 2017, no. 5, pp. 157–170 (in Russian).
17. Gadzhiev G. A., Voinikanis E. A. Could robot be a legal subject? (in search of legal forms for digital economy regulation). *Pravo. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, no. 4, pp. 24–48 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.4.24.48>
18. Shitkina I. S. (ed.). *Corporate law: training course*. Moscow, Statut Publ., 2022. 2 vol. (in Russian).
19. Kozlova N. V. *Legal personality of a legal entity*. Moscow, Statut Publ., 2005. 476 p. (in Russian).
20. Losev S. S. On the issue on registration of computer programs. *ConsultantPlus: Comments on Legislation Belarusian issue*. Minsk, 2022 (in Russian).

Информация об авторе

Семенихин Михаил Александрович – кандидат юридических наук, доцент. Генеральная прокуратура Республики Беларусь (ул. Интернациональная, 22, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: semenikhin07@mail.ru

Information about the author

Mikhail A. Semenikhin – Ph. D. (Law), Associate Professor. Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus (22 International'naya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: semenikhin07@mail.ru